

Кэ Чэн лежал на больничной койке, глаза его были закрыты, а одна рука, лежащая на одеяле, была подключена к капельнице. Цинфэн тихо сидел рядом, вспоминая, как его тошнило кровью, и сердце его сжималось от страха.

Он никак не мог понять, как Кэ Чэн мог довести себя до желудочного кровотечения. Неужели он так много пил в последнее время, что это привело к такому состоянию?

Когда Кэ Чэн наконец проснулся, уже давно стемнело. Цинфэн сидел в кресле рядом, закрыв глаза, но, услышав движение на кровати, тут же открыл их.

— Тебе еще больно? — Его голос был хриплым, полным усталости.

— Я... — Кэ Чэн слегка нахмурился, видимо, боль еще не прошла полностью. Его лицо было бледным, словно на нем не осталось ни капли цвета, но он все же попытался приподняться и опереться на подушку. — Это ты отвез меня в больницу?

— Оставайся здесь несколько дней, — Цинфэн поправил одеяло, стараясь укутать его как можно плотнее, чтобы тот не простудился.

— Что со мной? Неужели это что-то смертельное? — Несмотря на свое состояние, Кэ Чэн шутил. — Хотя бы скажи, что это.

— У тебя желудочное кровотечение, это серьезно, но не смертельно, — Цинфэн знал, что Кэ Чэн всегда умел отстраняться от ситуации и говорить о ней со стороны.

— Как повезло, что ты меня подобрал, и я хотя бы попал в больницу, — Цинфэн наклонился, чтобы поправить ему постель, но Кэ Чэн легонько похлопал его по голове. — Спасибо.

Цинфэн слегка отстранился, избегая его прикосновения:

— Отдохни, я куплю тебе рисовую кашу. Больше не пей, врач сказал, что если кровотечение повторится, ты уже не выйдешь из этой палаты.

С этими словами он собрался уйти, но его руку мягко схватили.

Держали его слабо, и он мог бы легко вырваться, но холод этой руки и тот, кому она принадлежала, не позволили ему этого сделать.

— Ты всегда такой, слишком умный, и это меня, как пациента, раздражает, — слова Кэ Чэна могли показаться странными для постороннего уха, но Цинфэн сразу понял их смысл, хотя сделал вид, что не понял, и, напоследок дал пару советов, прежде чем выйти.

Принеся из столовой простую рисовую кашу, Цинфэн посыпал ее сверху мясной стружкой и собирался передать Кэ Чэну, но, заметив, что его рука дрожит, сам начал кормить его ложкой.

Кэ Чэн не объяснял причину своего состояния, но Цинфэн догадывался, что это могло быть. В конце концов, причин для такого горя может быть всего несколько. Но он не хотел говорить об этом и не хотел, чтобы Кэ Чэн говорил.

— Помнишь, как мы познакомились в детстве? Ты сидел у двери подъезда, твоя мама и отчим уехали с твоей сестрой к своим родителям и забыли о тебе. Тебя заперли снаружи, ты был так голоден, что даже голову поднять не мог. Моя мама тогда привела тебя к нам и сварила тебе большую миску каши. Ты обжег язык, когда ее ел, — рассказывая это, он сам засмеялся и даже

слегка закашлялся.

— Ты тогда совсем не был рад мне, игнорировал, сидел и читал книги, оставляя меня наедине с собой, — Кэ Чэн был на два года старше Цинфэна. Когда они впервые встретились, Цинфэн еще учился в начальной школе, и каждый раз выглядел жалким и молчаливым.

— Я не ненавидел тебя, я ненавидел твою семью. Мне не нравилось, как вела себя твоя мама и отчим, и я думал, что если ты не будешь появляться, мне не придется это видеть, — это был первый раз, когда Кэ Чэн объяснял свое поведение в прошлом. — Я заметил тебя давно. Первый раз, когда мы встретились, твой отчим был дома один, и он так разозлился на тебя, что выгнал тебя на улицу. Ты был босиком, в пижаме, а на улице был мороз. Мне тогда было странно, почему ты не плачешь. Если бы ты заплакал, все соседи бы услышали. Но ты был таким глупым.

— Я даже не помню этого, — эти воспоминания были слишком далекими для Цинфэна. Если бы их не поднимали, он, возможно, никогда бы о них не вспомнил.

— Говорят, плачущие дети получают сладости. Ты даже не осмеливаешься выпить, Цинфэн. Не знаю, жалеть тебя или смеяться над тобой, — человек, лежащий в больнице из-за желудочного кровотечения, начал насмехаться над тем, кто вел здоровый образ жизни.

— От сладостей портятся зубы, от алкоголя страдает желудок. Зачем выставлять свои слабости напоказ?

Кэ Чэн почувствовал укол в сердце. Цинфэн, возможно, не насмеялся, но его слова заставили его осознать, насколько это печально.

Они молчали. Цинфэн случайно взглянул на часы и вдруг вспомнил о чем-то. Он поставил оставшуюся кашу на стол и поправил одеяло Кэ Чэна:

— Прости, у меня срочное дело. Если тебе станет плохо, нажми кнопку вызова.

— Срочное дело? — Кэ Чэн удивился, что у Цинфэна в такое время могут быть срочные дела. Но тут он вспомнил о том мальчике, которого видел с Цинфэном под дождем. — Это тот парень?

Цинфэн промолчал, но ответ был очевиден. Он взял сумку и вышел из палаты.

Когда он добрался до дома Му Су, свет в окне горел, но он не был уверен, стоит ли ему сейчас заходить.

Побродив у двери, он все же постучал.

— Кто там! — Цинфэн ожидал, что Му Су будет злиться и не станет открывать, но изнутри сразу же раздался голос. Хотя через глазок можно было увидеть, кто стоит, он все равно задал этот вопрос.

— Это я, — ответил Цинфэн.

Но дверь не открывалась. Вместо этого изнутри раздался голос:

— Му Дафэй нет дома, можешь идти! — В голосе чувствовалась явная обида.

— Я не ищу Му Дафэя, я ищу Му Су. Тань Цинфэн ищет Му Су, — зная, что парень

капризничает, он терпеливо продолжал этот бессмысленный разговор.

— Тань Цинфэн? Не знаю такого!

— Наверное, я ошибся, — притворившись, что уходит, он услышал, как изнутри кричат:

— Я тебя не отпускал! Если я тебя не знаю, это не значит, что ты можешь просто уйти. Кто разрешил тебе стучать в нашу дверь?

— Если ты не открываешь и не отпускаешь меня, значит, я должен стоять здесь, как статуя? — Цинфэн с облегчением повернулся. — А статуи, кстати, иногда хотят есть.

— Не ври, статуи не могут хотеть есть, и я не буду кормить обманщика! — Цинфэн представлял, как Му Су, глядя в глазок, злится и кричит на него.

— Даже на суде у обвиняемого есть право на защиту. Ты уверен, что не хочешь выслушать мое объяснение? — Он постучал дважды. — Если продолжишь кричать, соседи вызовут полицию.

Изнутри наступила тишина, и через некоторое время дверь открылась. Му Су стоял, полный недовольства, и его взгляд, проникая через узкую щель, буквально пронзал Цинфэна. Тот почувствовал холодок по спине, но сохранил спокойную улыбку и вошел.

— Где же твой жареный сельдерей с сушеным тофу и рисовая каша с постным мясом и столетними яйцами?

Когда Му Су открыл контейнеры, Цинфэн сглотнул.

— Ешь, раз говорил, что голоден, — Му Су достал из кухни палочки и протянул их. — Умри с голоду, обманщик!

— По пути я встретил Кэ Чэна, у него было желудочное кровотечение, и я отвез его в больницу, поэтому забыл об этом. Теперь можешь простить меня? — Цинфэн честно рассказал, что произошло. Му Су удивился и, забыв о своей обиде, придвинулся ближе, чтобы расспросить подробнее. — Желудочное кровотечение? Это когда кровь льет рекой?

Цинфэн слегка нахмурился. Да, было кровотечение, но описание Му Су звучало слишком уж драматично.

— Немного крови, сейчас ему лучше.

— Почему у него началось кровотечение? Как ты его встретил? — Му Су, казалось, даже не задумывался, что задает слишком много вопросов, его глаза горели любопытством и желанием узнать больше.

— Наверное, выпил слишком много. Я встретил его по дороге. Могу я теперь поесть?

Он еще не притронулся к еде, но Му Су не переставал задавать вопросы.

Выслушав объяснение Цинфэна, Му Су только больше заинтересовался. Он наклонил голову:

— Пил днем? Расстался с кем-то? О... — Он сделал многозначительное выражение лица. — Наверное, он влюбился, а его чувства не были взаимны, вот он и напился до кровотечения.

Хотя он был близок к истине, но то, как Му Су это сказал, звучало совсем иначе.

— Не говори о чужих делах.

Му Су не обращал на это внимания, наполовину лежа на столе, он улыбался с явным подтекстом:

— Ты же рад, да?

<http://bllate.org/book/16764/1540932>